

Змеиный хвост крушил доски и рвал регенерирующую плоть под ними, когти бесцельно полосовали юное яростное лицо, залитое водой... Венец эволюции попался в «Бассейн Ада», вазообразную водяную ловушку Гёкко, но даже после минуты с лишним нахождения в ней ничуть не ослабил своей мёртвой хватки. Казалось, воздух не был ему нужен вовсе.

Даже находясь под этой водной гладью, Никита продолжал рвать и мучить свою жертву без каких-либо трудностей. Первое время он не обращал на эту «тюрьму» и толики внимания, но затем уничтожил её структуру изнутри, выпустив из всего тела шипы. Демон бился в яростной истерике и визжал от гнева, однако страха в нём не было.

- Черв-в-вяк!!! – Булькающий глас о'ни клокотал, когда он вопил на всё помещение. – Отпусти, немедленно отпусти! Или сдохнешь!

Его игнорировали. В один из моментов у него создалось впечатление, что он нашёл шанс, который позволит ему вырваться, но кончики пальцев, крепко державшие его, не позволяли твари получить желаемое. Он дёргался столь резко, что даже оторвал сам себе хвост, оставшийся в руке идеального симбиоза. Впрочем, той заминки в регенерации, что возникла из-за постепенного увеличения заражённых клеток внутри демонического организма, вполне хватило парню для реакции.

Тот не схватил его напрямую, но вот Людоед почувствовал вновь, будто его зажало тисками. Незримыми и даже неощутимыми! Несгибаемые и непреодолимые путы, которые делали побег невозможным. Это предвещало неминуемую гибель.

- Гёкко-сама не может умереть! – Визгливо кричала пятая Высшая Луна. – Сл-л-лышишь меня?! А-А-А! Кгх...!

Очередной удар пришёлся туда, где, по идее, должны были быть глаза. То есть, по ртам демона; это заставило его заткнуться. В очах Хоноровского же плескалась лютая ненависть, такая, какую он испытывал впервые с момента, как оказался здесь, в чужом мире. Он избавлял себя от злобы и страха, боязни того, что этот бледный душегуб уже мог натворить, и именно потому тянул с поглощением.

Но всему приходит конец: человек-вирус чувствовал, что неожиданно появившаяся способность заставляет его мысли «расползаться», частично рассеивая внимание. Он мог бы даже с уверенностью заявить, что глупеет при её использовании, ведь он не мог не заметить процесс распада нейронных связей по всему своему телу. Это было очень странное чувство. И даже в таких условиях до него дошло, что же он получил. Телекинез! Или же нечто, что его напоминало.

- И-И-И!!! – Лишь сейчас, когда до демона дошло, что конец приближался неумолимо, в двух его зенках показался намёк на ужас перед смертью и «палачом». – Проч-ч-чь!

О'ни воспользовался паузой в лавине из атак, и сам ударил «ёкая» в лицо с безумной скоростью, со всей своей доступной силы, не один и даже не десять раз за короткий миг, поданный ему на блюдечке. Именно в этот момент по всему его телу начали распространяться желваки и вены. Нечисть была заполнена вирусом. Он остановился и возопил из-за

нахлынувшей боли, когда его собственная плоть начала взрываться, пытаясь отторгнуть инфекцию.

Именно в таком состоянии он и «перетёк» в венец эволюции, встречая гибель...

- Манаги...! – Шёпот на грани сознания заставил мальчика с тёмными волосами поморщиться. – Манаги!

Распахнув чёрные глаза, он тяжело и часто задышал, безумно оглядываясь. Пляж и вода. Нынешний сопляк совсем не напоминал того грозного и убийственного демона, каким названный Гёкко был. Слабый, тощий, бледный и с тёмными кругами под глазами. Патлатый, даже косматый, будто уличный пёс. Брошенный щенок.

- Манаги... Это я? – Недоумённо произнёс он. – Но я же Гёкко!

Знакомый женский голос, материнский, больше не отвечал мертвецу. Тот оглядывался в попытке найти подсказку, но всё это было тщетным. Лишь странная корявая надпись, оставленная на песке, являлась хоть чем-то: «Не подходите». Ребёнок одиннадцати лет вгляделся в море, в его глубину. Берег совсем не перетекал плавно в воду, образуя мелководье, нет; в воде зияла лишь бескрайняя тёмная бездна!

- Ясно, хе-хе. – Вышедший из горла смешок казался печальным. – Путь Гё-... Путь Манаги-сама – напрямик в ад.

Теперь он понял, действительно осознал всё то, что происходит. Он понял это сразу же, как вгляделся в черноту, ожидающую его. Пляж... Именно к такому же однажды, ещё при человеческой жизни, выплыли изуродованные тела его родителей. Это подкосило мальчика, и он, будучи и без того странным, окончательно сошёл с ума. Начал превозносить «красоту» утопленников и, в частности, своих отца с матерью.

Все жители деревни держались от него подальше, будто от прокажённого, исключая одного немомго ребёнка и кучки хулиганов. Первый даже стал ему кем-то, вроде друга. По крайней мере, он не смеялся и не издевался над своим необычным ровесником.

- Бура, это ты накалякал, да? – С горечью глядя на косые иероглифы, пробубнил Манаги. – Я ведь даже твоё настоящее имя не знаю. Ты не хотел кары, какой же жалкий... Каким всегда и был.

Даже более никчёмный в своей людской ипостаси, чем бывший член Бесовской дюжины: слабый, постоянно пускавшийся в плач и не способный постоять за себя, но при этом жадный и непредусмотрительный, получавший частые побои за воровство еды с рынка. Впрочем, он остался с ним даже тогда, когда всплывший сумасшедший мальчуган заколол одного из хулиганов, достававших его, а затем поместил в заполненный водой сосуд.

Сбежал Бура лишь тогда, когда за мстью пришли разъярённые предки убитого. Его отец ранил будущего Гёкко в живот двузубцем для рыбной ловли, оставив того умирать. Так он лежал полдня, живой лишь благодаря чуду или злой воле богов, пока не появился незнакомец со сливово-красными глазами, предложивший ему, умирающему мальчику, жизнь. Ребёнок не

отказался, став Гёкко. В ту же ночь он вырезал всю свою деревню, пощадив лишь Буру, которого после просьбы своего нового слуги обратил донельзя довольный Король Демонов.

Людоед забыл свою жизнь, но не добро. Целью всего своего существования для него стало становление первым в свите Короля, самым достойным и сильным. Но это была недостижимая мечта, только сейчас Манаги осознал это, вспоминая три ненавистные пары глаз.

- Кокушибо, Манаги-са-... Я бы никогда тебя не догнал. - В бывшем жестоком разуме заплескалось отчаяние.

Он будто бы пришёл в себя после долгого забвения! Спавшая человечность очнулась, утеранный рассудок воспарил, а совесть... У него появилась и совесть! Удивительно, но мальчик не был готов принять на себя ответственность за все свои грехи. Он понял, что и демоном так до конца и не стал... Жалкий, никчёмный, завистливый и мерзкий урод – эти качества он в себе сейчас признал. И гордыня та была лишь убедительным самообманом. Всё, что осталось при нём, - только любовь к горшкам.

Грехи давили на спину, а тьма из моря поглотила всё: песок, небо и даже Солнце. С отчаянным фатализмом мальчишка глядел на бушующее «вдалеке» адское пламя. Поднявшись на ноги, он неуверенно направился прямо к его извивающимся языкам...

Хмурый юноша держался за голову, приводя свои мысли в порядок. Новые знания, чужая память проявлялась постепенно. Он уверен в том, что это связано с той колоссальной «потерей ума». Однако его радовало то, что нейронные связи умудрялись восстанавливаться невероятно быстро. Подросток «умнел» семимильными шагами. Нахлынула очередная связка видений.

- Ублюдок... - Широко распахнувший глаза Хоноровский оторопело пролепетал в пространство.
- Ты что сотворил...

Желавший прямо сейчас покинуть дом убитого старика, держащийся на одном лишь честном слове, парень спешно проглотил свою биомассу. Он побежал в обратную от Йомитана сторону, не обращая абсолютно никакого внимания на переполох в этой деревне...